

Л. Б. СУКИНА

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «ПОСАДСКОМ» ЭЛЕМЕНТЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ РУССКОГО ГОРОДА XVII В.

В статье рассматривается и корректируется содержание понятия «посадский», распространенного в историографии русского города XVII в. На примере анализа текста Уложения 1649 г. и источников, связанных со строительством храмов в городах XVII в., показано, что термин «посадский» следует применять с осторожностью, так как он обладает конкретной социокультурной семантикой и неприложим ко всем явлениям городской культуры этого времени.

Ключевые слова: историография, культура, город, посадское население.

В своей известной книге, рассуждая о перспективных течениях современной исторической науки, Л. П. Репина отмечает, что новая культурная история формируется в болевых точках новой социальной истории, ставших в процессе переопределения самой категории социального точками роста¹. Одной из таких точек, несомненно, стали социокультурные особенности жизни русского города на рубеже Средневековья и Нового времени. В связи с этим анализ и корректировка содержания некоторых традиционных понятий, используемых отечественной историографией для описания культурных и социальных процессов и явлений указанного периода, представляется насущной необходимостью.

Употребление словосочетаний «посадское» население, «посадская» литература, архитектура, «посадское» искусство распространено в отечественных гуманитарных науках, изучающих различные аспекты русской культуры и социума XVII в.² Под «посадскими» исследователи обычно подразумевают явления, связанные с деятельностью торгово-ремесленного населения городов³. При этом как бы само собой разуме-

¹ Репина. 2009. С. 250.

² См. работы В. Г. Брюсовой, Б. В. Гнедовского, И. В. Поздеевой и др.

³ Семантически понятие «посадские» в текстах источников скорее связано с населением не «городов», а «пригородов». «Посад» — поселение, предгорье, предместье (Срезневский. 1989. Т. II. Ч. 2. «П». Стлб. 1228). В «советской» историографии оно получило другой смысловой оттенок, что было связано с необходимостью обоснования особой роли в жизни и развитии русского государства «трудящейся» части горожан — социальных «предшественников» фабричного пролетариата. Это приводило к противоречиям в определении понятий «посад» и

ется, что почти все постоянное население русского города XVII столетия, за исключением немногочисленной знати, дворянства и духовенства, было более или менее однородным и обладало какими-то общими социальными признаками, ценностными представлениями и художественными вкусами. В то же время документы государственной власти и другие письменные источники XVII в. свидетельствуют о том, что городские жители делились на социальные группы, экономическое и правовое положение которых значительно отличалось, и что никакого единого торгово-промышленного населения, которое можно было бы определить общим термином «посадское», не было вовсе.

Исследовательница истории русского купечества XVII–XVIII вв. Л. А. Тимошина в своих работах впервые обратила внимание на тот факт, что в статьях Соборного Уложения 1649 г. среди так называемых городских «торговых» людей официально выделялось несколько социальных категорий: гости, представители гостиной и суконной сотен, посадские⁴. Кроме того, торговлей и ремеслом в городах могли заниматься царские, помещичьи и монастырские крестьяне, бобыли, ямщики, стрельцы, подьячие государственных учреждений и т.п. Чтобы подкрепить это наблюдение приведем обширную цитату из главы XIX Соборного Уложения «О посадских людях»:

«А которые городовые торговые люди написаны в гостиную и суконную сотню, и велено им жити на Москве, а те городовые торговые люди живут по городом на старых своих дворах, и с торговыми всякими промыслы в тех городех торгуют, а тягла с тех своих дворов и с промыслом в городех с посадскими людьми не платят, а тяглыми своими двора и промыслы владеют по прежнему, и тем городовым торговым людем, которым велено быть в гостиной и суконной сотне, в городех тяглые свои двора и с промыслы продать тех же городов посадским тяглым людем, а самим жити на Москве в гостиной и в суконной сотне. А будет они тех своих городских тяглых дворов и промыслов продать не похотят и им с тех своих городских тяглых дворов и с промыслов в городех з городскими с посадскими людьми платить тягло по прежнему»⁵.

Из текста статьи явно видно, что «посадскими» называли тяглое население городов, несшее основные налоговые повинности, а предста-

«посадские». Так, в «Советском энциклопедическом словаре» в соседних словарных статьях «посад» определяется как существовавшее в Русских княжествах X–XVI вв. «торгово-промышленное поселение вне городских стен, ставшее позднее частью города» (СЭС. 1979. С. 1055), а «посадские люди» как торгово-промышленное городское население в Русском государстве, которое несло государственное тягло и в 1755 г. было разделено на купечество и мещан (Там же. С. 1056).

⁴ См., напр.: Тимошина. 2004. С. 190.

⁵ Соборное Уложение 1649 года. Гл. XIX. Ст. 34. С. 102.

вители гостиной и суконной сотен относились к более привилегированному слою, основным местом жительства которого считалась Москва. Понятие же «торговые люди» означало в то время не социальную принадлежность, а род занятий, уровень доходности которого у представителей разных социальных групп тоже был не одинаков.

Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. фиксировало давно сложившуюся социальную ситуацию. Существенные различия между слоями и группами «торгово-промышленного» городского населения России были уже очевидны одному из самых внимательных иностранных путешественников XVII в. — голштинскому послу Адаму Олеарию, посещавшему страну в 1633–1634 и 1635–1636 гг. Описывая тогдашнюю Москву, он отмечал, что в непосредственной близости от Кремля бок о бок с князьями — родовитой знатью жило большинство, «притом самых знатных», купцов, называемых «гостями», купцы гостиной и суконной сотен, которые «по временам уезжают на торг по стране», жили в Белом городе вместе с вельможами и детьми боярскими. Из мелких купцов и ремесленников здесь имели право селиться только торговцы съестными припасами, преимущественно булочники. Стрельцы, солдаты и «другое простонародие» обитали в Стрелецкой слободе на окраине столицы⁶.

Гости и члены гостиной сотни, будучи по своему «чину» государственными служилыми людьми, не только занимались торговлей по всей стране и за границей, но и выполняли дипломатические поручения и некоторые надзорные функции⁷. Гости и купцы гостиной сотни были своего рода торговой знатью того времени, социально и культурно сближавшейся со знатью родовитой и высшим слоем духовенства.

Могли ли русские горожане XVII в., столь сильно отличавшиеся по своему социальному положению и образу жизни, создать какую-то общую культуру, которую мы имели бы право назвать «посадской»? Попробуем понять это на достаточно ярком, по нашему мнению, примере — практике городского храмового зодчества этого времени.

К счастью, от XVII в. сохранилось не только значительное количество купеческих и посадских храмов в старинных русских городах, но и достаточный корпус письменных источников, освещающих различные аспекты их строительства. Кроме того, большинство построек сохранило и свои храмовданные надписи или вмонтированные в стены храмов плиты с именами ктиторов и датами строительства церковью. Все это по-

⁶ Иностранцы о древней Москве... С. 318.

⁷ Подробнее об этом см.: *Голікова*. 1998. Т. 1. С. 88-253.

зволяет выстроить довольно точную хронологическую последовательность возведения каменных купеческих и посадских храмов на городских улицах. Наблюдения над этой последовательностью приводит к выводу о том, что процесс строительства купеческих и посадских храмов в XVII в. делится на два хронологических отрезка: до 1649 г. и после него. Водоразделом при этом служит уже упоминавшееся выше Соборное Уложение, во многом изменившее социальный климат в стране.

При таком делении сразу же бросается в глаза, что в 1620–40-е годы немногочисленные большие каменные храмы за пределами городских кремлей, которые исследователи архитектуры по сложившейся традиции называют «посадскими», были построены вовсе не представителями посадского населения, а гостями или членами гостинои сотни. В их числе знаменитая московская церковь Троицы в Никитниках (Григорий Никитников, 1628–1653)⁸ и хрестоматийные примеры «посадского» строительства — ярославские церкви Николы Надеина (Надея Светешников, 1620–22), Рождества Христова (Анкудин и Гурий Назарьевы, 1644), Ильи Пророка (Иоанникий и Вонифатий Скрипины, 1647–50)⁹; а также костромская церковь Воскресения на Дебре (Кирилл Исаков, 1645–51)¹⁰. Аналогичные примеры можно привести и в отношении других крупных торговых городов, в которых «гости» и члены гостинои и суконных сотен вели «заморский торг»: Архангельска, Великого Устюга. Таким образом, строившиеся на городских посадах в первой половине XVII в. церкви не были ни «посадскими», ни даже приходскими. Это типичные и для более раннего времени так называемые ктииторские храмы, контроль над которыми, включая подбор причта, было делом их строителя и благотворителя — ктитора. Разнообразные источники свидетельствуют о том, что перечисленные храмы в течение десятилетий находились под покровительством основателей и их наследников¹¹. Их стены были расписаны дорогостоящими фресками, иконостасы и киоты пополнялись иконами письма известных мастеров, в их ризницы приобретались драгоценные сосуды, рукописные и печатные книги. Все это делалось на средства и при непосредственном участии представителей высшего купеческого слоя, находившегося в особых служебных отношениях с государственной властью. И если строительство во второй

⁸ Овчинникова. 1970. С. 5-7.

⁹ Добровольская, Гнедовский. 1981. С. 54-116.

¹⁰ Разумовская. 1989. С. 35-37.

¹¹ См., например, опубликованные материалы по церкви Ильи Пророка в Ярославле: Рутман. 2001. С. 7-15.

половине XVI в. большого Успенского собора в Сольвычегодске гостями Строгановыми воспринималось как исключение, возможное только благодаря царской благосклонности к этой именитой купеческой семье, то в XVII в. такой размах благочестия купеческой элиты выглядел как нечто само собой разумеющееся. Сохранилось также достаточно свидетельств того, как легко и быстро представители этой социальной группы получали архиерейские благословения на строительство новых храмов.

Ктитор часто не только давал деньги на строительство, но и определял внешний облик будущей церкви, ее планировку, нередко включавшую мемориальный придел семьи покровителей и даже их усыпальницу¹². Художественный замысел определялся заказчиком, вероятно, с учетом практических и эстетических соображений. Например, в 1630 г. ярославский купец Егор Лыткин, жертвуя 50 руб. на строительство нового храма взамен сгоревшего в далекий Красногорский монастырь на реке Пинеге, высказал и настойчивое пожелание о том, как строящаяся на его деньги церковь должна выглядеть, и какие иметь архитектурные формы, «ради того, что высокие церкви Божиим повелением молнией пожигает»¹³. Таким же образом в процесс храмового строительства несколько десятилетий спустя вторгались представители другой социальной группы — московской знати. И. Л. Бусева-Давыдова на примере судебного дела зодчего Я. Г. Бухвостова с боярином П. В. Шереметевым по поводу строительства церкви Спаса Нерукотворного в Уборах показала, как это происходило¹⁴. Можно привести пример такого вмешательства даже в постройку сооружения на территории довольно известного монастыря. Князь И. П. Барятинский в своей порядной записи на строительство за счет его вкладных денег трапезной палаты и настоятельского корпуса в Даниловом монастыре Переславля-Залесского детально описал, как должно выглядеть это сооружение¹⁵.

Серьезные изменения в городском храмодательстве происходят после утверждения Земским собором в сентябре 1649 г. Соборного Уложения, которое, отменив привилегии «белых» слобод и уравнив все рядовое городское население, более равномерно распределяя на него «государево тягло», создало условия для укрепления материального положения «посадских людей». В то же время, закрепляя ремесленников и торговцев за

¹² Так было, например в ярославской церкви Ильи Пророка.

¹³ Цит. по: Бусева-Давыдова. 2004. С. 318.

¹⁴ Бусева-Давыдова. 1988. С. 43-53.

¹⁵ Текст порядной записи опубликован в приложении к кн.: Добронравов. 1908. С. 65-67. См. также: Грамоты о строительстве Данилова монастыря...

конкретным посадом, оно насильственно стабилизировало городское общество, в том числе и церковные приходские общины¹⁶. Вся социальная жизнь горожанина и его семьи, включая религиозное окормление, была сосредоточена в той городской слободе, к которой он был приписан. Разбогатевшее посадское население демонстрировало свое благочестие, усердствуя в строительстве и украшении приходских храмов. Именно в это время многие деревянные церкви перестраиваются в камне. И именно их можно уже с полным правом назвать «посадскими» и рассуждать о специфике посадской храмовоздательной традиции.

Со всей очевидностью эта тенденция проявляется во второй половине XVII в. в традиционной религиозной жизни Москвы, Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода и менее крупных поселений, стоявших на основных водных и сухопутных путях того времени.

В Москве XVII в. средоточием посадской жизни был Земляной город, который в это время представлял собой территорию внутри валового кольца, застроенную многочисленными слободами, перемежавшимися луговинами и пустырями. Исследовательница истории застройки Земляного города М. И. Домшлак отмечала, что мелкие деревянные дворы жителей ремесленных слобод теснились вокруг приходских церквей. Эти храмы в первой половине XVII в. были деревянными, а во второй половине столетия стали довольно быстро сменяться каменными, строившимися местным населением¹⁷.

Некоторые из построенных тогда московских слободских церквей сохранились до нашего времени и свидетельствуют о благочестивом усердии столичных ремесленников. Это церкви Рождества (1649–52) в Путинках¹⁸, Воскресения (1649) и Успения (1654) в Гончарах,¹⁹ Симеона Столпника (Введенская) (1676–79) на Поварской,²⁰ Успения (1695) в Печатниках,²¹ неоднократно перестраивавшаяся в течение XVII в. известная с 1625 г. церковь Власия во дворцовой Большой Конюшенной слободе²². Кроме ремесленников большое рвение в храмовом строительстве демонстрировали также стрельцы: памятниками их благочестия служат церковь Троицы в Листах, возведенная на средства стрельцев

¹⁶ Соборное Уложение 1649 года. Гл. XIX. Ст. 1-40. С. 99-103.

¹⁷ Памятники архитектуры Москвы... С. 15.

¹⁸ Там же. С. 177.

¹⁹ Там же. С. 291; 303-304.

²⁰ Там же. С. 135.

²¹ Там же. С. 221.

²² Там же. С. 104-105.

кого полка в 1650–61 гг.²³; и Знамения за Петровскими воротами, построенная в 1680 г. стрельцами полковника Колобова на месте сгоревшего деревянного храма Святого Климента²⁴, а также Спаса на Песках, заменившая в 1711 г. упоминаемую в документах XVII в. деревянную церковь Стрелецкой слободы²⁵. Посадские и стрелецкие церкви соперничали в размерах и изощренности архитектурных форм со строившимися здесь же, в Земляном городе, храмами служилой дворянской знати (чьи усадьбы были разбросаны среди слобод) и государевых дьяков. Слобожане вслед за знатью и купцами-ктиторами стремятся к архитектурному разнообразию построек, выделяя их хотя бы некоторыми деталями убранства среди прочих церквей, строившихся в это же время. Например, церковь Николая Явленного на Арбате отличалась искусно выполненным кованым ажурным крестом, формы которого были использованы для креста главного городского собора в Вологде²⁶.

Не отставали от Москвы и жители больших торговых городов на Волге — главной торговой артерии страны. В Нижнем Новгороде бум каменного храмового строительства также начинается в 1649 г. с постройки на горе за речкой Почайной крупной церкви Жен-мироносиц²⁷. В течение следующей половины века почти все деревянные храмы, располагавшиеся в посадской части города, были заменены каменными.

К сожалению, большинство из известного по документам десятка крупных нижегородских церквей второй половины XVII в. не сохранилось или было перестроено, в том числе и неоднократно упоминаемые историками архитектуры традиционные для столичного и провинциального зодчества этого времени пятиглавые, с позакомарным покрытием храмы Ильи Пророка на Ильинке (1655), Николая (1656), Троицы (1663), Козьмы и Дамиана на Нижнем посаде (1660-е), Иоанна Предтечи на Торгу (1683), Казанской Богоматери на Почайне (1687)²⁸. Примерно половина больших каменных храмов Нижнего Новгорода была построена отдельными купцами-ктиторами: Рождества на Бичеве, Николая «что у Гостиного двора», Воскресенская в кремле — солепромышленником и строительным подрядчиком Семеном Задориным, Иоанна Предтечи — Гаврилой Дранишниковым, Троицы — Иваном Языковым,

²³ Там же. С. 220.

²⁴ Там же. С. 214.

²⁵ Там же. С. 106-107.

²⁶ Там же.

²⁷ Агафонов. 1987. С. 44.

²⁸ Там же. С. 45.

Казанской Богоматери, Сергия, Успения на Ильинской горе — Афанасием Олисовым²⁹. Остальные церкви, располагавшиеся в менее престижных местах городского посада, дальше от кремля, возводились на средства групп наиболее зажиточных членов их приходов.

Аналогичную картину можно было наблюдать во второй половине XVII в. и в Ярославле — втором по значению после Москвы торговом и ремесленном центре, очень выгодно расположенном на пересечении водного Волжского и сухопутного Беломорского путей, по которым перемещалось большое число товаров, в том числе и иноземного происхождения. Ярославские храмы второй половины XVII в. сохранились лучше нижегородских и более тщательно изучались.

Начало массового строительства каменных храмов в Ярославле тоже можно датировать 1649 г. В 1649–54 гг. на средства посадских людей Ивана и Федора Неждановских была построена церковь Иоанна Златоуста в Коровницкой слободе. Позднее сами ктитория были похоронены в южной галерее храма. В последующем усилиями прихожан — жителей Коровников, скотоводов и гончаров, рядом с ним была построена зимняя церковь Владимирской Богоматери (1669), 37-метровая колокольня (1680-е) и Святые ворота (рубеж XVII–XVIII вв.)³⁰.

В перечневой описи Ярославля первой половины XVII в. упоминается 40 приходских церквей³¹. Во второй половине века около двух десятков из них были перестроены в камне³². Иногда процесс строительства особенно больших церквей затягивался на десятилетия: Михаила Архангела (1658–82); Николы Мокрого (1665–72); Иоанна Предтечи в Толчковой слободе (1671–87); Богоявления (1684–93); Благовещения (1688–1702)³³. Особенностью ярославского купеческого и посадского храмоздательства является строительство целого ансамбля, состоявшего из летней и зимней церквей, колокольни и церковной ограды: комплексы в Коровниках и Толчкове, пара Никола Мокрый — Тихвинская, пристройка к церкви Николы Мученика 1641 г. в конце XVII в. большой колокольни. Это ансамблевое строительство производилось уже не отдельным ктиториям или ктиторийской семьей, но всей приходской общиной, иногда даже соединялись усилия богатых купцов и зажиточных

²⁹ Там же. С. 45. См. также: Писцовая и переписная книги...

³⁰ Добровольская, Гнедовский. 1981. С. 116–129.

³¹ Перечневая опись города Ярославля 1630 г. С. 271.

³² Этот процесс продолжался и в XVIII столетии, так что к началу XIX в. практически все храмы Ярославля стали каменными.

³³ Добровольская, Гнедовский. 1981. С. 140–175.

посадских. Например, заказчиками известной ярославской церкви Николая Мокрого выступали представители гостиного сотни Афанасий Лузин и Андрей Лемин и посадские Федор Выморов и Степан Гарабаев³⁴.

Какими мотивами были движимы купцы и посадские люди, тратя немалые средства и труды на строительство больших каменных церквей, которые своими размерами, вычурностью архитектуры, богатством внутренней отделки затмевали древние монастырские комплексы и постройки митрополичьего двора? Современному человеку наиболее подходящим объяснением представляется честолюбие, желание продемонстрировать свое благосостояние и влияние. Именно соперничество между собой богатых торговых и ремесленных слобод, как считали многие архитектуроведы³⁵, стало двигателем массового строительства больших каменных храмов во второй половине XVII века. Более ранние постройки, осуществленные купцами-ктиторами, авторы исследований по истории архитектуры пытались представить как способ самоутверждения формирующегося «третьего сословия» в противоборстве с государственной и церковной властью³⁶. Возможно, что эти мотивы и играли какую-то роль. Одним из примеров, подтверждающих вероятность такой мотивации, является строительство в 1684–93 гг. в Ярославле на земле бывшей монастырской Спасской слободы Богоявленской церкви на средства гостя Алексея Авраамова Зубчанинова, отец и дед которого были приписанными к монастырю ростовщиками-«закладчиками»³⁷.

Огромная красивая церковь Богоявления, краснокирпичные стены которой отделаны муравленными изразцами, и сейчас соперничает с ансамблем Спасо-Преображенского монастыря. Она построена возле моста через Которосль в непосредственной близости от монастырской ограды (между церковью и монастырем проходит часть московской дороги, которая во второй половине XVII в. отделяла монастырскую территорию от посадских слобод). Наглядным аргументом в пользу того, что церковь строилась Алексеем Зубчаниновым не только для демонстрации собственного благочестия, но и в укор и назидание монастырской братии, служит включение в программу ее фресковой росписи, выполненной по заказу ктитора, не традиционного символично-догматического Христоро-

³⁴ Там же. С. 177.

³⁵ Там же. С. 191. Аналогичное мнение высказывалось и в других работах, посвященных памятникам русской архитектуры XVII в.

³⁶ Там же. С. 54-116. См. также: *Агафонов*. 1987 и др. работы, посвященные архитектуре старинных русских городов, вышедшие в 1960–90-е гг.

³⁷ *Добровольская, Гнедовский*. 1981. С. 167-171; *Крылов*. 1860. С. 107.

гического цикла, а цикла «Земная жизнь Иисуса Христа». Особое внимание обращает на себя редкий для русской монументальной живописи сюжет спора Христа с книжниками и фарисеями о сущности веры³⁸. Христос требовал от фарисеев следовать тому, что они сами же и провозглашали: соблюдать чистоту предания старцев, пост, поддерживать обязательность церковной десятины (Мф. 21:1–39). Осуждению со стороны Христа подвергается не учение фарисеев, а их лицемерное поведение: «ибо они говорят, и не делают» (Мф. 23:3). Роль фарисействующих книжников в русской культуре XVII века могла принадлежать только духовенству, для которого одной из главных обязанностей было поучение паствы. Вероятно, ктитора Богоявленского храма также раздражал не столько соседствующий с его храмом и двором Спасский монастырь как таковой, сколько монастырская братия, пытавшаяся занимать в экономической и социальной жизни богатого торгового города место, не только не подобающее духовным лицам, но и противоречащее их религиозной функции. Богатый, влиятельный гость счел для себя возможным встать на сторону веры, а не монастырских властей, которые, с точки зрения христианского учения, были всего лишь людьми, которым доверили читать и толковать священное писание. Отметим, что на такое поведение гость Зубчанинов имел некоторое право. Собор 1682 г. хоть и отказался принять проект реформирования церкви, предложенный царем Федором Алексеевичем и его окружением, который привел бы к подчинению церковных властей светским, но страшась роста раскольнических настроений среди населения страны, вынужден был просить воевод, приказных и служилых людей, землевладельцев участвовать в укреплении благочестия на местах и следить за нравственностью и соблюдением норм церковной жизни среди местных церковнослужителей — приходских священников, настоятелей монастырей и монахов³⁹.

Но подобные случаи, когда при строительстве храма ктитору руководствовались какими-то особенными идеями и задачами, осмысленными с правовой и религиозной точек зрения и выразившими специфические стороны индивидуальности заказчика церкви, были все-таки редки. Изучая их, нельзя понять причины роста каменного храмового строительства, особенно «посадского» храмовоздательства второй половины XVII в. Основной побудительной целью этого процесса было что-

³⁸ Добровольская, Гнедовский. Указ. соч. С. 174.

³⁹ Виноградский. 1899. С. 54.

то другое, тесно связанное с культурным и социальным сдвигом, коснувшимся всего городского социума в целом.

Входившая в круг благочестивого чтения того времени «Повесть о Варлааме и Иоасафе» однозначно трактовала богатство как одного из недобрых «друзей» человека, влекущих его душу к гибели. А предисловия синодиков пестрели примерами из жизни «неправедных богачей». Об этом же писал и Симеон Полоцкий в виршах «Купецтво» из «Вертограда многоцветного», который также включался в состав предисловий многих синодиков конца XVII в.: «Чин купецкий без греха едва может быти, на многи бо я злобы враг обыче лстите; Изряднее лакомство в купцах обитает, еже во многия грехи оны убеждает»⁴⁰. Поэтому рост материального благосостояния населения русских городов в середине – второй половине XVII в. сопровождался увеличением масштабов его храмоздательной деятельности. Таким способом часть приобретенного богатства возвращалась богу. От предыдущей эпохи практически не сохранилось имен жертвователей на строительство городских и большинства монастырских церквей. В XVII же веке ктитория и донаторы, вероятно, сознательно стремятся зафиксировать в документах и храмозданных надписях не только свое имя, но и точный размер имущества или денег, пожертвованных на богоугодное дело. Думается, в этом следует видеть не столько тщеславие представителей зажиточных слоев населения, сколько заботу каждого доброхотного дателя о собственной душе, судьба которой зависела от его прижизненной щедрости.

Жители ремесленно-торговой Толчковской слободы города Ярославля, получившие разрешение на постройку каменной церкви Иоанна Предтечи, удивительно точно указали свои пожертвования в росписи 1676 г.⁴¹ Среди жертвователей числятся, как отдельные лица, так и целые семьи. Пятую часть донаторов составляют жены и вдовы сапожников и кожевников, владевшие, очевидно, своей долей семейной собственности. Размеры дач колеблются от 2935 руб. 12 алтын и 2 денег, суммарно вложенных богатыми торговыми семьями Солодиловых, Жуковых, Оглодаевых и Семеном Топлениным (указано, что ими еще было обещано сверх того 185 руб. 22 алтына 2 деньги), и 150 руб., единолично пожертвованных Павлом Денисовским, до мишурных кружев на 32 рубля — жертва Власа Власова. Значительная часть пожертвований была осуществлена имуществом, ко времени составления росписи, видимо, не реализованным и не получившим денежной оценки: вдова Евдо-

⁴⁰ Памятники литературы Древней Руси... С. 101.

⁴¹ Опубликовано в кн.: *Успенский*. 1906. С. 5-6.

кия Семенова Дехтева дала 69 зернят жемчуга; вдова Осипа Гуневкина Евдокия — три лавочных порожних места в сапожном и ветошном ряду; некоторые вкладчики передали дворы с постройками и огородной землей, а трое из них — дворы с кожевенными заводами.

Возводя новые каменные храмы, коллективные ктиторы из посадских жителей стремились, вероятно, не столько превзойти другие приходы в размерах и красоте церкви, сколько быть «не хуже других». Историки архитектуры уже давно выделили основные типы церковных построек на ярославском посаде: высокие четырехстолпные и небольшие бесстолпные храмы с трапезными, в обоих случаях завершающиеся пятиглавием⁴². Ориентация коллективных ктиторов на местные посадские образцы хорошо иллюстрируется текстом «Повести о создании Федоровской церкви». Прихожане этого храма, задумав в 1687 г. заменить деревянную постройку каменной, оказались перед выбором между особенно нравившимися им церквями Петра Митрополита в Спасской слободе и Вознесенской в Кондаковой слободе. После обмеров периметра обеих они остановились на Вознесенской как более крупной. Любопытно, что прихожане сами разметили на земле план будущего храма, а затем «весь народ» копал рвы и выводил фундамент. Только после этого приход «наяша каменнотдателей»⁴³. Создается впечатление, что прихожане боялись, будто нанятые зодчие не смогут или не захотят точно передать «меру» облюбованного ими образца.

В памятниках посадского церковного зодчества середины – второй половины XVII в. отразились особенности коллективного религиозного сознания представителей определенной социальной группы городского населения — зажиточных торговцев, не принадлежащих к высшему купечеству, и ремесленников, имеющих налаженное производство каких-либо товаров и использующих наемный труд. Лишь в редких случаях, как, например, при строительстве церкви Николы Мокрого в Ярославле, объединялись усилия нескольких наиболее богатых прихожан из разных социальных групп — купцов гостиной сотни и посадских. В архитектуре посадских храмов заметно стремление к следованию определенным образцам. Но таковыми служили уже не царские и монастырские храмы, а постройки, возведенные, как правило, в том же городе более именитыми и богатыми ктиторами, благочестию и чувству «меры и красоты» которых остальное население, видимо, доверяло.

⁴² Добровольская, Гнедовский. 1981. С. 139-140.

⁴³ Там же. С. 185.

Ктиторские постройки гостей и членов их родов в торговых городах, наряду с вотчинными и ктиторскими монастырскими храмами знати XVII в., представляют собой наиболее «индивидуализированные» памятники русского церковного зодчества позднего Средневековья и раннего Нового времени. Даже в архитектурных формах и размерах зданий, несмотря на строгое соблюдение общего канона, отразились воля и вкус заказчиков, их представления о благочестии верующего человека и благолепии храма. Обращает на себя внимание и тот факт, что названных ктиторов, столь заметно проявивших в традиционном храмовладельческом благочестии свою индивидуальность, объединяет не только и не столько принадлежность к высшим слоям общества, сколько широта взглядов в такой консервативной сфере как храмовое и монастырское строительство и знакомство с европейской культурой и образом жизни. Вероятно, именно таких людей имел в виду А. Олеарий, когда писал, что среди русской городской знати и купцов ему приходилось встречать достаточно хорошо сведущих в вопросах веры и позволяющих себе рассуждать о служении богу вполне рационально⁴⁴.

Таким образом, различия в храмовых постройках высшего слоя купечества и торговых людей из посадского люда очевидны. Вряд ли правомерно определять и те, и другие как «посадское» зодчество. Аналогичный анализ литературы и иконописи XVII в. приведет нас к подобным же выводам. Особо следует отметить, что определение «посадская культура» не имеет никакого отношения к источниковой реальности того времени, а представляет собой историографическую конструкцию в чистом виде, при этом конструкцию сильно социологизированную. Более того, данная конструкция не выражает сущность русской городской культуры позднего Средневековья и раннего Нового времени, а, наоборот, ведет к ее ложному пониманию и истолкованию.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агафонов С. Л.* Горький. Балахна. Макарьев. М., 1987.
- Бусева-Давыдова И. Л.* О роли заказчика в организации строительного процесса на Руси в XVII в. // Архитектурное наследство. № 36. М., 1988. С. 43-53.
- Бусева-Давыдова И. Л.* О так называемом запрете шатровых храмов патриархом Никоном // Патриарх Никон и его время. М., 2004. С. 314-322.
- Виноградский Н.* Церковный собор в Москве 1682 года: Опыт историко-критического исследования. Смоленск, 1899.

⁴⁴ *Олеарий.* 2003. С. 454-455.

- Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1.
- Грамоты о строительстве Данилова монастыря в Переславле-Залесском средствами боярина И. П. Барятинского и о запрещении дальнейшего строительства после окончания этого. 1697 г. // Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области (ГАЯО). Ф. 329. Оп. 1. Ед. хр. 58.
- Добровольская Э. Д., Гнедовский Б. В. Ярославль. Тутаев. М., 1981.
- Добронравов В. Г. История Троицкого Данилова монастыря в Переславле-Залесском. Сергиев Посад, 1908.
- Иностранцы о древней Москве. М., 1991.
- Крылов А. П. Церковно-археологическое описание губернского города Ярославля. Ярославль, 1860.
- Овчинникова Е. С. Церковь Троицы в Никитниках. М., 1970.
- Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 257-486.
- Памятники архитектуры Москвы. Земляной город / Авт. колл. Ю. И. Аренкова и др.; Ред. А. И. Комеч, В. И. Плужников. М., 1989.
- Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга третья. М., 1994. С. 101.
- Перечневая опись города Ярославля 1630 г. // Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1861. № 35. С. 271-272.
- Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду // Русская историческая библиотека. СПб., 1896. Т. 17. С. 15-27.
- Разумовская И. М. Кострома. Л., 1989.
- Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-ое, исправленное и дополненное. М., 2009.
- Рутман Т. А. Храмосдатели церкви Ильи Пророка Вонифатий и Иоанникий Скрипины // 350 лет церкви Ильи Пророка в Ярославле. С. 7–15.
- Соборное Уложение 1649 года: Текст, комментарии / Подг. текста Л.И. Ивиной; Коммент. Г.В. Абрамовича, А.Г. Манькова, Б.Н. Миронова, В.М. Панеяха; Рук. авт. колл. А.Г. Маньков. Л., 1987.
- Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка [Репринтное издание]. М., 1989. Т. II. Ч. 2. «П». Стлб. 1228.
- Советский энциклопедический словарь (СЭС). М., 1979.
- Тимошина Л. А. Распространение книг Московского Печатного двора в середине XVII в. среди высшего купечества России // Патриарх Никон и его время. М., 2004. С. 189–204.
- Успенский Ф. Предтеченская церковь в Ярославле. Ярославль, 1906.

Сукина Людмила Борисовна, кандидат культурологии, зав. кафедрой гуманитарных наук Института программных систем УГП имени А.К. Айламазяна; lbsu-kina@gmail.com.